

ТЕОРИЯ ПСИХИАТРИИ И МЕДИЦИНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

УДК 141.32:111:616.89

Ряполова Т.Л.¹, Абрамов А.В.¹, Гостюк И.М.², Ткаченко Е.Р.²**ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХИАТРИИ В РАБОТАХ М. ХАЙДЕГГЕРА И К. ЯСПЕРСА**¹Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького²Республиканская клиническая психоневрологическая больница – медико-психологический центр, г. Донецк

Ключевые слова: экзистенция, онтология, Хайдеггер, Ясперс.

Психиатрия и как область медицины, и как наука на протяжении всех этапов своего развития являлась весьма неопределенной в статусном отношении. Вплоть до XIX века теория и практика психиатрии существовали и развивались отдельно. Оказание помощи больным с психическими расстройствами носило исключительно ограничительный и, в лучшем случае, воспитательный характер. В теории царил хаос терминологических споров и обилия классификаций, которые никоим образом не влияли на организационно-лечебные аспекты практической психиатрии. Оценка психических расстройств как болезней мозга Э. Крепелина обозначила биологическую, естественно-научную направленность в развитии психиатрической науки. Однако разрыв между появлением и внедрением в практику психиатрии биологических методов лечения и отсутствием ожидаемого многими психиатрами существенного улучшения состояния и качества жизни больных с психическими расстройствами способствовала усугублению кризиса в психиатрии. Психиатры заговорили о необходимости поиска новой методологии, ориентированной на личность пациента с психическими расстройствами. Так как и психиатрия, и философия в теоретическом и практическом аспектах центрированы на человеке, психиатрия со времен И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля активно обращалась к философии. Любая теория психических расстройств связана и опирается на антропологию (поскольку объектом исследования является больной как таковой), гносеологию (поскольку очерчивает границы и возможности исследования больного), онтологию (поскольку определяет статус феноменального мира пациента и окружающей его реальности), этику (поскольку

критерии и социальный статус психического расстройства устанавливают определенную систему моральных предписаний). Исследование больного с психическими расстройствами невозможно без представлений о его психическом функционировании в норме, без картины его положения и антропологического статуса в мире, поскольку только при такой постановке вопроса можно пытаться определить последствия и способы восстановления психического с учетом метафизической составляющей. В связи с этим в начале XX века взаимодействие психиатрии и философии строится вокруг проблем онтологического основания бытия, истинности опыта, человеческого существования, процедур и методов познания человека, пределов и границ понимания другого и т. д. Как отмечает О. Власова (2010), «психиатрия - философская дисциплина. Это может показаться неожиданным и провокационным заявлением. Однако очевидно, что множество теоретических и практических проблем психиатрии несут философские коннотации» [1, с. 25]. Психиатры той эпохи на волне научно-технического прогресса с интересом воспринимали философские идеи. Это привело к формированию теоретических концепций и практическому применению феноменологической психиатрии, экзистенциального анализа, онтологической психиатрии.

Феноменологическая психиатрия, попытавшись отказаться от естественнонаучных критериев нормы и патологии, обозначила как основную проблему опыта психически больного человека, а также проблему сущности и содержания патологической реальности, наделив психическое расстройство онтологическим статусом и вписав его в экзистенци-

альный порядок бытия.

Экзистенциальный анализ, продолжая традиции феноменологической психиатрии и идя параллельно с ней в своем исследовании психической патологии, наравне с внутренним опытом включил в область исследования и окружающий мир пациента, окончательно оформив онтологически-онтический мир больного как область клинического исследования, предлагая в качестве основного метаонтический концепт экзистенциально-априорных структур.

Онтологическая психиатрия, феноменологическая психиатрия, экзистенциальный анализ, будучи революционными для клинической практики XX века, в какой-то мере являются маргинальными: мало работ, еще меньше авторских интерпретаций, мало конструктивных переосмыслений и контекстных исследований. Все это сопровождается языковыми и междисциплинарными барьерами [1, с. 24]. Тем не менее, на волне очередного всплеска биологической психиатрии в последние десятилетия, интерес к философии и междисциплинарным исследованиям в психиатрии сохраняется. О. Власова приводит слова редакторов сборника «Философия и психиатрия» 2006 г. М. Хайзе и К. Капке: «Благодаря внедрению методов исследования нейронаук психиатрия после стольких лет господства антропологических или психоаналитических подходов переживает в своем развитии «вторую биологическую фазу»» [1, с. 24]. В то же время, развитие нейронаук приводит к стимулированию разработки антропологических моделей, которые оказываются несовместимыми с психиатрической практикой. В связи с этим развитие онтологической, экзистенциально-феноменологической психиатрии выходит на новый уровень, выдвигая проблемы тела/сознания, свободы, детерминированности, причинной обусловленности, личностной идентичности, сознания Другого.

Фундаментальная онтология фрайбургского ученого Мартина Хайдеггера (1889-1976) является с момента ее разработки наиболее дискуссионной и наиболее основополагающей как в философии, так и в психиатрии. Биография М. Хайдеггера, будучи трагической и философски уникальной, с одной стороны, способствовала формированию его философского мировоззрения, с другой – во многом была причиной настороженного отношения к нему в мире философии.

Внутренний смысл и цель философии М. Хайдеггера – это вопрос о смысле бытия как целого, внутри которого оно себя осуществляет и, исходя из которого, себя понимает. Поэтому его философия может рассматриваться как фундаментальная онтология. При этом вклад М. Хайдеггера как в фундаментальную онтологию, так и в психиатрию, в основном терминологический. Обращаясь к теме бытия, он рассмотрел ее так, как это никем не делалось до него («Впервые в осуществлении деструкции онтологической традиции вопрос о бытии получает свою истинную конкретность» [2, с. 26]). Говоря о бытии в мире, М. Хайдеггер использует термины «онтический» и «онтологический». Онтический (син. сущностный) означает порядок сущего, относящийся к бытийности предметно-чувственный мир. Онтологический означает порядок бытия, бытие бытующего, условие возможности сущего.

Несмотря на то, что М. Хайдеггером выделяется три вида бытия (предметное, бытие инструментов и сам человек), базовым уровнем бытия он определяет поглощенность практической деятельностью. Это базовая занятость, в которой мышление не играет преобладающей роли. Мы обладаем способностью понимать бытие, даже если само понятия бытия остается непроясненным. М. Хайдеггер соотносит понимание с нашей способностью «справиться» с бытием. Мы все время что-то с ним делаем, и в этой постоянной и разнообразной деятельности – основа, фон нашего понимания. Мы понимаем не тем, что мыслим, а тем, что «справляемся» с вещами. Наши навыки и умения – это до-рефлексивное, до-мыслительное понимание, которое есть погруженность в повседневную деятельность. Мы растворены в фоновой деятельности, при этом сам фон остается невидимым, он – везде и не имеет контрастов [3, с. 37]. Мы существуем в мире с тем смыслом, что мы поглощены этим бытием без остатка. В то же время, мы утверждаем структуру мира, исходя из того, как он нами освоен (««Быть посреди» мира в смысле быть поглощенным миром...» [2, с. 80]). Если пространственность бытия определяется М. Хайдеггером с позиций притягивания и близости, то его темпоральность характеризуется тремя целостными структурами: вброшенностью (способность соотноситься с прошлым), проецированием (опора на собственные возможности, направ-

ляющая в будущее) и падением (связано с текущей ситуацией). Сущность должна быть частью целостной вовлеченности, внутри которой проецирование становится возможным, а с ним становится возможным осмысление. Смысл понимается как «некоторая проекция, в понятиях которой нечто становится постижимым в качестве нечто...» [2, с. 193]. Понятность, познаваемость мира выражает себя через речь. Целостность значений познаваемости перекладывается на слова. Слова прибавляются к значениям, а не наоборот («Экзистенциально-онтологической основой языка является речь...» [2, с. 203]). Речь экзистенциально равнозначальна пониманию, поскольку артикуляция постигнутого имеет место всегда.

Феномен – это то, что само себя показывает. Феноменология начинается там, где то, что показывает себя, одновременно и скрывается. Оно скрыто и одновременно лежит где-то рядом. М. Хайдеггером предлагается следующая схема: «...то, что в явлении уже выставляет себя как предваряющее конкретный «феномен» в виде его обыденного разумения и как нечто неизменно сопутствующее ему, может быть, даже если оно показывается нетематически, принуждено показать себя тематически; и вот теперь то, что показывает себя в себе, станет «феноменом» феноменологии...» [2, с. 54]. Феноменология М. Хайдеггера – феноменология фона, феноменология бытия, которое всегда есть, но которое скрыто в тени, почти неразлично в собственной прозрачности. Фон – это цельное явление «мира», а феноменология М. Хайдеггера – это онтология фона.

Тезис о бытии как форме сознания М. Хайдеггер заменяет тезисом о бытии как форме, говоря тем самым о конкретности бытия. Основным термином философии М. Хайдеггера является *Dasein* (здесь-бытие, присутствие, бытие-вот). Смысл *Dasein* заключается в том, чтобы понять всякое единичное как целое, действительное, но без родовой всеобщности, понимаемое без участия сознания: «Здесь-бытие есть сущее, которое не только выделяется среди других сущих. Оно скорее потому онтически отличимо, что этим сущим в его бытии речь идет о самом бытии. Онтическое отличие здесь-бытия лежит в том, что оно онтологически отличимо» [2, с. 12]. М. Хайдеггер называет познание сущего онтическим, а то, посредством чего оно становится возможным – онтологическим познанием (пред-позна-

нием бытия сущего). Познание лишь тогда может обращаться на сущее, когда оно знает, что это сущее есть, то есть познание предполагает в качестве условия своей возможности предварительное понимание бытия. Именно это определяет возможность теоретического отношения к миру (отношение к сущему как к сущему).

Способом самоосуществления (понимания) *Dasein* является забота. Забота в онтическом смысле описывается М. Хайдеггером следующим образом: «Титул «озаботиться» имеет ближайшим образом свое донаучное значение и может значить: что-то исполнять, устраивать, «доводить до ума». Выражение может также подразумевать: чем-то озаботиться в смысле «что-то себе раздобыть». Далее, мы употребляем его в характерном обороте: я озабочен, что предприятие не удастся. «Озабоченность» значит здесь что-то вроде опасения» [2, с. 212]. Онтологически забота обозначает бытие возможного бытия в мире («впереди-себя-бытие») [2, с. 192]: мы не просто вновь и вновь заботимся о чем-то, но всегда заботимся. Забота приобретает характер «трансцендентальной всеобщности», «...какую задается почва, по которой движется любое онтически-мировоззренческое толкование *Dasein*» [2, с. 199]. Феномен заботы выводит к экзистенции, которая является сущностью *Dasein*. При этом *Dasein* всегда обладает неким бытовым до-онтологическим пониманием своего бытия. «Онтически (то есть бытийно, по факту наличия), конечно же, *Dasein* не только близок нам, он вообще ближе всего: мы являемся им, каждый из нас, мы сами. В противоположность этому, точнее, именно по этой причине, онтологически (то есть по порядку доступности для объяснения) он есть то, что дальше всех» [2, с. 36].

Конкретизируя образ «носителя» бытия-в-мире, М. Хайдеггер пишет: «окружающий мир - это не только мой мир, но и мир других» [4, с. 250]. Другие входят в конституцию моего вот-бытия. Поэтому последнее всегда есть бытие-вместе-с-другими, со-бытие. «Лишь постольку, поскольку вот-бытие как бытие в мире имеет фундаментальную конституцию со-бытия, возможно бытие друг-для-друга или друг-против-друга или же друг-без-друга вплоть до индифферентного прохождения мимо» [4, с. 253]. Даже одиночество, по мысли М. Хайдеггера, остается разновидностью со-бытия в мире, поскольку оно означает

«дефективность со-бытия» [4, с. 251], указывая на неполноту моего бытия из-за того, что «другого нет». В этом случае психические расстройства оказываются субъективно-идеальными проявлениями глубинной онтологической ущербности, присущей человеческим взаимоотношениям в сфере повседневного совместного бытия. Ясно, что терапевтическое воздействие на индивида остается неэффективным до тех пор, пока оно касается его влечений, настроений, эмоций и аффектов, не затрагивая его фундаментальных отношений с другими, не изменяя в корне его жизненную ситуацию. Это был принципиально новый подход к пониманию психических аномалий, и он сразу же привлек к себе внимание психиатров и психопатологов [5].

Экзистенциальное – это феноменологическое пространство, в котором разворачиваются все «измерения» экзистенции, и ее раскрытие есть процесс вероятностный, потенциальный, реализуемый при наличии воли человека. Экзистенциальное является и основанием, и полем для реализации уникальной, глубинной «изнанки» человека, которая выявляется в процессе раскрытия экзистенции, вероятно-вариативной «внутри», испытывающей воздействие мира «извне» и при этом интенцированной к трансцендентному. Это существование человека во всей проблематичности, трагичности собственного бытия. Экзистенция представляет собой неналичное, сущностно-несубстанциальное, возможностное бытие каждого индивида как уникального существа, потенциальное и актуализируемое существование. Экзистенцию можно определить, во-первых, как непосредственное бытие, существование, интенцию к сущности (онтологическое измерение); во-вторых, как бытие индивидов, осуществляемое в удержании и пересечении границ (топологическое измерение); в-третьих, как то, что постигается интуитивно в интенциальности (феноменологическое измерение); в-четвертых, как устремление к трансценденции (трансцендентное измерение) [6, с. 12-20]. Фундаментальной характеристикой экзистенции выступает трансцендирование; оно предполагает интенцирование за пределы самого существования, устремленность экзистенции за ее границы к трансценденции как абсолютному бытию, которое постигается в экзистенциальном опыте.

Введение М. Хайдеггером понятия экзи-

стенциалов человеческого бытия в философскую антропологию позволило осуществить переход от психологического к личностно-онтологическому «измерению» этих модусов конкретного бытия индивидов. Экзистенциалы – смысло-жизненные основания и способы человеческого существования. «Конкретная» онтология экзистенциалов проявляется как метафизика свободы, одиночества, смерти, страха, тоски, отчаяния, скуки, тошноты и т.д. Через «проживание» и «переживание» экзистенциалов осуществляется познание Я, постижение глубин феноменологической топики человека. Экзистенциалы – это способы существования человека, сущностные основания его бытия – ценностные узлы, квинтэссенции смыслов, целей, устремлений, которые задают параметры присутствия людей в мире. Фундаментальные характеристики экзистенции раскрываются в процессе аналитики экзистенциалов, среди которых в современной философии и культуре важную роль играют экзистенциалы одиночества, смерти и страха [7].

По мнению Л. Бинсвангера, М. Хайдеггер, показывая необходимую структуру вот-бытия как бытия-в-мире, «вкладывает в руки психиатра ключ, с помощью которого он, свободный от предрассудков любой научной теории, может установить и описать феномены, которые он исследует, в их полном феноменальном содержании и внутреннем контексте» [8, с. 182]. Анализ фундаментальных, экзистенциально значимых отношений между людьми в их совместном бытии-друг-с-другом позволяет увидеть в психиатрических симптомах, прежде всего, «нарушения коммуникации» [8, с. 184], проявления «заброшенности» вот-бытия [8, с. 187], которое в качестве бытия-в-мире всегда является и ситуационно-настроенным, и погруженным в телесность.

Вот-бытие человека, по М. Хайдеггеру, может относиться к своим возможностям безвольно [2, с. 193]. А так как воля и желание онтологически присущи вот-бытию и не являются онтологически индифферентными переживаниями [2, с. 194], безволие означает онтологическое поражение человека. Поэтому душевная болезнь может быть и следствием, и проявлением утраты возможности свободного бытия, онтологической пассивности, нежелания или отказа воли быть самой собой, исходя из собственных бытийных возможностей как в прошлом и настоящем,

так и в будущем.

«Постижение временной сущности Dasein, или трансцендентности, - пишет Л. Бинсвангер, - не только дает психиатрии информацию о ее «объекте» - различных модусах «аномального» человеческого существования - но также обучает ее пониманию самой себя, так как оно заставляет ее осознать, что ее расчленение человеческого бытия на различные сферы реальности с их соответствующими концептуализациями не может быть последним словом» [8, с. 189]. Примером такого «расчленения» может быть дихотомия души и тела, эго и организма, психического и физического, препятствующая пониманию человеческого вот-бытия в его фактичности, навязывающие нашему сознанию неразрешимую «вселенскую загадку» психофизической проблемы [8, с. 191]. Методологическая ценность экзистенциальной аналитики Dasein М. Хайдеггера заключается в том, что она предлагает понимание бытия до его искусственного, рассудочного расщепления на психическое и физическое, идеальное и реальное, духовное и материальное, субъективное и объективное. Тем самым впервые под психиатрию и антропологию подводится недостающий онтологический фундамент [2, с. 49].

Dasein в понимании М. Хайдеггера может давать различные модификации, но не патологические отклонения, поэтому, строго говоря, в хайдеггеровской теории нет места психической патологии. Тем не менее, и сам М. Хайдеггер проявлял заинтересованность психиатрией (аудиторией для его Цолликовских семинаров были именно психиатры), и его теория активно развивалась такими психиатрами и психопатологами как М. Босс, Л. Бинсвангер, К. Ясперс.

Так, Медард Босс разрабатывает Dasein-анализ, в котором видна степень применимости фундаментальной онтологии М. Хайдеггера к прикладной области психиатрической практики. М. Босс принимает теорию М. Хайдеггера в неизменном виде, что при использовании ее в клинической психиатрии рождает многочисленные трудности, поскольку закономерно рождает вопрос о том, что же в психическом расстройстве первично - онтические патологические изменения или онтологические по своей сути трансформации пространственности, темпоральности, телесности. Поэтому экзистенциальная аналитика М. Хайдеггера становится в интерпретации М. Босса разно-

видностью психоанализа с набором плохо связанных между собой терминов и «системой заклинаний, которыми можно заговорить «всесильное Dasein»» [1, с. 215].

Если М. Босс, как и его учитель М. Хайдеггер, рассматривает Dasein как нечто неопределенное, то Л. Бинсвангер понимает Dasein как существование человека, что позволяет говорить об индивидуальном Dasein. По словам Дж. Нидлман, «смысл в том, что в бытии конкретного человеческого индивидуума есть нечто, что упускает хайдеггеровское описание Dasein. Это нечто могут быть только индивидуальное экзистенциальное a priori и индивидуальный проект мира» [9, с.116].

Несмотря на антропологичность теории М. Хайдеггера, она не объясняет различий между людьми и, соответственно, не применима для объяснения происхождения психической патологии. Л. Бинсвангер, стремясь создать такую теорию, в процессе пересмотра идей М. Хайдеггера адаптировал их для нужд психопатологии, предложив психиатрии и психотерапии экзистенциальный анализ. По мнению Г. Кона, подходы и Л. Бинсвангера, и М. Босса являются феноменологическими, «...но, в то время как Бинсвангер исследует онтическое проектирование, не задаваясь вопросом о его онтологической относимости, Босс изучает зависимость своих клиентов от онтологического измерения Бытия, это придает его подходу специфическое экзистенциальное значение» [10, с.18]. Фактически экзистенциальный анализ Л. Бинсвангера является закономерным продолжением и расширением экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера: «Практика Dasein-аналитически ориентированной психиатрии может быть рассмотрена как косвенная практика экзистенциальной аналитики «Бытия и времени», экспериментом, успешное проведение которого (т. е. излечение «больного») опосредованным образом должно свидетельствовать об «истинности» (соответствии реальности терапевтической ситуации) посылок и выводов этой экзистенциальной аналитики» [11].

Экзистенциальный анализ Л. Бинсвангера опирается на следующие, вписывающиеся в проблемное поле и задачи клинической психиатрии, положения фундаментальной онтологии: 1) идея бытия-в-мире, благодаря которой психическое расстройство рассматривается как патологический мир с массой взаимопереплетений значений и связей; 2)

хайдеггеровское Dasein, которое является связующим элементом пространства онтологии и области онтики; 3) понятие темпоральности, благодаря которому история жизни психически больного предстает в единстве прошлого, будущего и настоящего; 4) концепт заброшенности, который при аналитическом толковании жесткой связи человеческого существования с миром оборачивается понятием смирения; 5) концепт ничтожения, который в психиатрии рассматривается как черта патологического существования (безумия), конечным пунктом которого выступают пустота и небытие [1, с. 439].

Основным механизмом влияния и одновременно основным критерием отличия феноменологической психиатрии от экзистенциального анализа выступает использование концепта бытия-в-мире. Именно в экзистенциальном анализе впервые центром психиатрического анализа начинает выступать мир пациента. Если в феноменологической психиатрии мир выступает как психическое переживание феноменов, как внутрличностный феномен, то благодаря М. Хайдеггеру в экзистенциальном анализе мир начинает восприниматься как совокупность вещей и событий, как проявление заботы, как место реализации существования. Тем самым интерес психиатрии смещается с живого человека на живой мир, мир значений, смыслов и возможностей. В феноменологической психиатрии пространством «отражения» онтологического порядка выступает преимущественно внутренний опыт пациента, его собственный личный мир, а экзистенциальный анализ говорит о целостном существовании человека (хайдеггеровский «просвет бытия» в теоретических построениях М. Босса, экзистенциально-априорные структуры в теории Л. Бинсвангера).

Теория М. Хайдеггера, усовершенствованная в экзистенциальном анализе, приобретает герменевтический характер, поскольку позволяет проводить философское, экзистенциально-аналитическое толкование клинических случаев. Однако, в то же время, онтологическая парадигма психиатрии делает весьма затруднительной практическую деятельность. Экзистенциально-аналитические толкования оказываются практически никак не связанными с последующими диагностикой и лечением, где предпочтение отдается либо традиционным методам медицины (Л.

Бинсвангер), либо технике психоанализа (М. Босс) [1, с. 443].

Если для М. Босса и Л. Бинсвангера фундаментальная онтология М. Хайдеггера является базовой или стартовой для развития или выработки собственных теоретических воззрений, то философа М. Хайдеггера и психопатолога К. Ясперса связывают совершенно иные взаимоотношения.

Карл Ясперс (1883–1969), немецкий философ, психопатолог. Работал в Гейдельберге ассистентом врача в университетской психиатрической клинике, затем -ассистентом по психологии, ассистентом по философии, профессором философии Гейдельбергского университета. Брак с еврейкой и политические убеждения привели к его отстранению при национал-социалистах ото всех административных обязанностей и от преподавательской деятельности. В 1938 г. была запрещена публикация трудов философа. После войны был восстановлен в должности, открыто высказывал свои взгляды по таким вопросам, как вина немцев и угроза ядерной войны. Большое влияние на личность и философские воззрения К. Ясперса оказал М. Хайдеггер, однако теоретические разногласия между философами были актуализированы их политическим разрывом, связанным с симпатиями М. Хайдеггера к нацистам. К. Ясперс, помимо иных идеологических, политических, философских взглядов, чувствовал личную обиду, поскольку был женат на еврейке. Тем не менее, М. Хайдеггер и К. Ясперс вошли в историю философии как родоначальники экзистенциализма в Германии, хотя сам М. Хайдеггер относил свои взгляды к фундаментальной онтологии, а К. Ясперс после 1933 г. утверждал, что не имеет ничего общего с Хайдеггером [12, с. 1].

Несмотря на тесную дружбу и общность в философской терминологии, взаимовлияние философов прослеживается лишь в рецензии М. Хайдеггера на «Психологию мировоззрения» К. Ясперса.

По М. Хайдеггеру психология является наукой о психической целостности, а философской методологией постижения ее выступают психология мировоззрений и психопатология. Их задача состоит в том, чтобы на основании понимающего метода способствовать самосознанию психологии в ее фундаментальных установках. М. Хайдеггер подчеркивает: «Ввергнуть же [другого] в

состоянии рефлексии, сделать [его] внимательным можно только одним способом: самому пройдя впереди [него] часть пути, указывая дорогу» [цит. по 13, с. 172]. Он отмечает, что психология мировоззрений, двигаясь к психической целостности, отрывается от психологии, но так и не представляет онтологии, которая в то время так интересовала самого М. Хайдеггера. «Поскольку работа над рецензией продолжалась в 1920–1921 гг., то в ней оказалась как бы похороненной история того, как «Психология мировоззрений» помогла Хайдеггеру обнаружить важное для него онтологическое измерение жизни. В рецензии мы сталкиваемся не с процессом этих поисков, а уже с результатом» [14, с. 167]. К. Ясперс не просто близок М. Хайдеггеру поисками онтологического измерения, акцентированным вниманием к процессу мышления, последний заимствовал у него некоторые категории фактичности и ситуации [14, с. 168], Dasein [15, с. 131].

Так, в «Психологии мировоззрений» К. Ясперс использует понятие «существование» (Dasein) [16, с. 232] в смысле проживания, жизни души, что оказало влияние на М. Хайдеггера и способствовало его использованию сначала так же неспецифически, синонимично с человеческой жизнью, а затем как самостоятельного концепта. «Вдруг на последних страницах рецензии появляется, рождается то самое хайдеггеровское Dasein, которому предстоит такая долгая и трудная жизнь, и мы видим, как рождается, пока еще только наполовину, не до конца, из оборота речи Ясперса. Этот термин, Dasein, возник здесь и взят у Ясперса» [17, с. 128–129].

Также в «Психологии мировоззрений» К. Ясперс использует понятие «фактический», характеризуя им погруженность в реальность, конкретную жизнь, противопоставляемую теоретическим абстракциям. Этот термин связан с еще одним (специфическим для К. Ясперса) понятием, концептом «ситуации», который описывает связь внутренней установки мировоззрения с картиной мира [16, с. 239–281]. Исходя из этого, К. Ясперс в рамках психопатологии настаивает на подробной фиксации всех проявлений жизни души, а философия М. Хайдеггера исповедует внимание не просто к жизни, а к повседневной жизни.

«Психология мировоззрений» во многом укрепила М. Хайдеггера в мысли о недостаточности феноменологии и способствовала

его развитию как самостоятельного философа. Для К. Ясперса М. Хайдеггер также стал проводником к его собственной философии существования. Не случайно К. Ясперс не раз повторял, что они с М. Хайдеггером говорили об одних и тех же вещах, но шли разными путями [18].

К. Ясперс, занимаясь и психопатологией, и философией, внес неоценимый вклад в развитие как психиатрии, так и философии психиатрии, что нашло отражение в монументальном, выдержавшем испытание столетиями, труде «Общая психопатология», семь раз переработанном автором и являющемся настольной книгой думающего психиатра. Термин «психопатология» использовался с 1878 г. (Г. Эммингауз, как синоним понятия «клиническая психиатрия»). Рождение психопатологии как метода и дисциплины относится к началу XX в. и связано с именем Т. Рибо. Задачей психопатологов являлось распознавание, описание и анализ общих принципов, сферой их деятельности, составляющей теоретическое знание, являлись феномены, понятия, правила, а предметом психопатологии - действительные, осознанные события психической жизни, психическая реальность (мир личностных переживаний и все многообразие обуславливающих их обстоятельств). По словам К. Ясперса, «... психиатр выступает прежде всего как живая, понимающая и действующая личность, для которой наука — лишь одно из множества вспомогательных средств; что касается психопатологов, то для них наука — единственная и конечная цель работы» [19, с. 25]. В своем труде К. Ясперс дал философское обоснование современной ему психопатологии, понимаемой при этом как теоретическая психиатрия: «...Общая психопатология, в сущности, есть кантианская Критика психопатологического разума, сделавшая для психопатологии то же, что Кант сделал для физики Ньютона» [20].

Центральным вопросом психопатологической системы К. Ясперса является человек: «Наша тема — человек в целом как больной, если этот больной страдает психической болезнью или болезнью, обусловленной причинами психического свойства» [19, с. 30].

Человек, по К. Ясперсу, пребывает в мире как индивид, как законченная и неделимая целостность. Жизнь человека предстает как встреча, борьба и столкновение с миром, адаптация к нему, а также процесс обучения

и преумножения знаний о мире. Любая жизнь протекает в определенном окружении, которое формирует ситуации. Они освобождают энергию деятельности и создают условия для реализации способностей и обогащения опыта. Необходимо, считает К. Ясперс, помнить, что человек, как и любое существо, живет в окружающем мире, воспринимает, осваивает его, подвергается его воздействию. Поэтому конкретный мир личности не может существовать вне контекста социальных и общественных отношений, он историчен. Окружающий, объективно существующий мир - это материал собственного личностного мира, это пространство, в котором развивается и строит свой мир человек. Поэтому личностный мир является одновременно и субъективным, и объективным явлением. Личностный мир, переживаемый как собственная реальность, по К. Ясперсу, включает в себя поведение, пути конституирования человеком своей среды, образ жизни в целом, намеренные действия: «Возникает вопрос: могут ли происходить трансформации в психопатологическом смысле, существуют ли специфические «приватные миры» психотиков и психопатов? Можно ли говорить, что все «аномальные» миры - это лишь частные проявления форм и компонентов, которые, по существу, универсальны и историчны и как таковые не имеют никакого отношения к здоровью или болезни? Если это так, то аномальными могут быть названы лишь способы их проявления и особая, вторичная специфика того, как они переживаются» [19, с. 344]. Постигание аномального личностного мира представляет исключительный интерес. При этом необходимо учитывать, что личностные миры людей характеризуются историческим и культурным многообразием, а также то, что патологические миры многообразны внеисторически.

Психопатолог должен стремиться проникнуть в личностный мир больного, понять, каким этот мир видит сам больной: «Мир любого человека - это особый мир. Но этот особый мир, о котором человек знает, что тот принадлежит ему и только ему, и с которым этот человек до сих пор сосуществовал, всегда представляет собой нечто меньшее, нежели действительный мир данного человека - это темная, всеохватывающая и всеобъемлющая целостность» [19, с. 360].

Экзистенциально-онтологический вопрос о сущности человека как всеобъемлющей

целостности и ее патологических вариациях трансформируется у К. Ясперса в проблему познания этой целостности. Человек, как он считает, не ограничивается лишь доступным познанию содержанием, он так же широк, как и мир, поэтому его природа и истоки всегда лежат за пределами познания. Каждая из биологических целостностей, с которыми имеет дело психопатолог, «совершает скачок» из биологической в духовную, а затем и в экзистенциальную.

К. Ясперс указывает, что для познания целостности недостаточно простого суммирования и систематизации отдельных данных. Человек по своей природе - существо незавершенное, и поэтому, как считает ученый, недоступное познанию. Невозможность познания человека связана с определенными барьерами исследования: 1) бесконечность - человек как объект исследования предстает в виде необозримого множества комбинаций; 2) индивидуальная неповторимость — индивидуальное не может быть «схвачено» во всей целостности, поскольку как таковое невыразимо; 3) необъективированность — человек никогда не становится объектом, но включает в себя и порождает все объекты, является «объемлющим» [19, с. 901].

По К. Ясперсу, построение структуры целостности возможно только при условии, что мы структурируем не «человеческое», а наши знания о человеке: «Нужно структурировать пути и способы нашего познания - так, чтобы постижение человеческой природы стало доступно нам во всех возможных измерениях и на всех возможных уровнях [19, с. 894]. К. Ясперс подчеркивает, что мы, конечно, можем систематизировать методы изучения «человеческого», но нам не дано создать его всеобъемлющую схему, мы не можем достичь полноты знания о «человеческом». Постигание целостности человека - это обнаружение связей между всем тем, что о человеке известно. Из таких утверждений философ выводит и роль антропологии: «Антропология не добавляет новых знаний. Никакая «врачебная теория человека», никакая «медицинская антропология» невозможна. Любая антропология - это философская дисциплина, то есть не объективирующая теория, а бесконечный процесс самопрояснения» [19, с. 898].

По мнению Г. Шпигельберга, использование К. Ясперсом в главах «Общей психопатологии», касающихся исследования человека

как целостности, термина «эйдос» является указанием на частичное понимание им феноменологии как усмотрения сущности [21, с. 185]. По словам самого К. Ясперса, феноменология обеспечивает основания для исследования универсальной сущности человека и пытается разработать эйдологию применительно к нормальному и патологическому функционированию человека, а также активно использует концепт эйдоса, то есть, по сути, совмещает эйдетическую психологию и трансцендентальную феноменологию [19, с. 743-804].

К. Ясперс строит классификацию, в которой выделяет четыре группы явлений психической жизни: 1) субъективные переживания больных, являющиеся предметом феноменологии; 2) объективные показатели осуществления способностей (способность к восприятию, память, работоспособность, интеллект), исследование которых входит в психологию осуществления способностей; 3) соматическое сопровождение психической жизни; 4) значащие объективные проявления (телесные проявления и движения, осмысленные действия и поведение, продукты творчества).

В связи с этим К. Ясперсом выделяются следующие задачи феноменологии: 1) представление в наглядной, образной форме переживаемых больными психических состояний; 2) прояснение взаимосвязей между психическими состояниями; 3) четкое определение этих взаимосвязей, дифференциация и разработка соответствующей терминологии. Идеалом феноменологии, по мнению философа, является обозримо упорядоченная бесконечность нередуцированных душевных качеств.

Теоретическими основаниями исследования аномальных психических феноменов становятся, прежде всего, противостояние субъекта объекту и направленность Я на определенное содержание. Как следствие этих положений, осознание объекта противопоставляется сознанию Я. Поэтому при объективных аномалиях видоизменяется сознание объекта (искаженные восприятия, галлюцинации), при субъективных аномалиях - как сознание Я, так и предметное сознание. По этим причинам, на взгляд К. Ясперса, «описание того, что объективно, ведет к пониманию его значения для Я, а описание состояний Я (эмоциональных состояний, настроений, порывов, влечений) ведет к пониманию той объективной реальности, в которой эти состояния выявляют

себя» [19, с. 90]. Форму феномена (восприятие, идеи, суждения, чувства, самосознание), по его мнению, следует отличать от содержания. Она обозначает, прежде всего, разновидности наличного бытия, через которые мы постигаем содержание. Содержание модифицирует способ переживания феноменов, то есть их форму. Оно придает феноменам определенное значение в контексте целостной психической жизни и указывает путь к их постижению. Если обратиться к делению психической жизни на субъект и объект, то объективный элемент идентичен психическому содержанию, а то, как объект предстает субъекту, характеризует форму феномена. Феноменологию, по мнению Ясперса, интересует только форма, содержание представляется ей совершенно случайным и является предметом интереса не феноменологии, а психологии [19, с. 91-93].

Основная сфера исследования феноменологии — переживание, т. е. все, что происходит в сознании больных: «Метафорически мы называем его потоком сознания, единственным в своем роде нерасчлененным потоком событий, протекающим по-своему у любого из великого множества людей [19, с. 85]. Феноменология, в противоположность генетическому пониманию, подготовительным этапом которого она является, предстает как понимание статическое. Феноменология имеет дело лишь с тем, что происходит в сознании больного, только с осознанными данностями психического. В процессе исследования на феноменологическом этапе психопатолог должен отбросить все теории, психологические построения, интерпретации и оценки: «Только действительно имеющееся в сознании должно быть представлено, все, не данное действительно в сознании, не имеется в наличии. Мы должны оставить в стороне все унаследованные теории, психологические конструкции или материалистические мифологии о душевных процессах, мы должны чистыми обратиться к тому, что мы можем в его действительном бытии понимать, осмыслить, различать и описывать. Это, как учит опыт, очень трудная задача» [19, с. 95]. Именно благодаря такому проникновению строится феноменологический опыт. Феноменологический подход пытается охватить одновременно и все нормальные психические феномены, и то, что выходит за рамки обычного, необычные и неожиданные феномены («Это смотрение не чувственное, а понимающее. Нужно было это

совершенно своеобразное, нередуцированное последнее «сделать фактом», «понять», «осмыслить», «увидеть», «представить себе» применять и понять, чтобы сделать хотя бы только один шаг вперед в феноменологии. ... У кого нет глаз видеть, не может заниматься гистологией; кто противится или неспособен вообразить себе душевное и рассматривать живым, не может понять феноменологию» [19, с. 96-97]).

К. Ясперс подчеркивает, что предмет феноменологии - непосредственное переживание - всегда есть совокупность отношений, в основе которой лежит переживание времени и пространства, осознание собственной телесности и окружающей действительности. Эту совокупность феноменов он делит на непосредственные и опосредованные, основанные на рефлексивности: «Сознательная психическая жизнь – это не нагромождение изолированных, поддающихся разделению феноменов, а подвижная совокупность отношений, из которой мы извлекаем интересующие нас данные в самом акте описания. Эта совокупность отношений изменяется вместе с состоянием сознания, свойственным душе в данный момент времени» [19, с. 91].

Второе понятие, разработку которого приписывают К. Ясперсу, - это понимание. В «Общей психопатологии» он четко разделяет феноменологию и понимающую психологию, относя к сфере первой феномены, а к сфере второй - взаимосвязи между ними. Методом феноменологии он при этом признает схватывание отдельных фактов, а методами понимающей психологии - понимание и объяснение. Для того, чтобы разделить эти два метода, К. Ясперс вводит термины «статическое понимание» и «генетическое понимание», обозначая первым феноменологическое понимание душевных состояний, которое осмысляет только факты, переживания, способы сознания, вторым - понимание связей душевных переживаний, появления душевного на основании душевного. Он подчеркивает: «Феноменологическое рассмотрение нужно также отграничить от генетического понимания душевных процессов, того своеобразного, применимого только к душевному, понимания, для которого душевное с очевидностью «вытекает» из душевного...» [22].

Таким образом, феноменология представляет собой раздел психопатологии, исследующий субъективные переживания психически

больных людей. По своей природе феноменология может быть отнесена к субъективной психологии, а исследуемые ею переживания психопатолог может наблюдать лишь опосредованно. Этапами феноменологии являются непосредственно феноменология, понимающая психология и постижение целостностей. К. Ясперс выводит клиническое пространство психопатологической классификации, описав в нем реальность, сознание Я, восприятие, пространство и время. Используя метод понимающей психологии, он пытался проникнуть внутрь патологических феноменов и впервые создал столь масштабное описание патологической реальности, соединив субъективное и объективное, показывая пространство их взаимодействия - переживание реальности и Я. Это описание признано первой попыткой философско-клинического осмысления патологического существования.

Таким образом, вклад и М. Хайдеггера, и, тем более, К. Ясперса в разработку экзистенциально-онтологических основ психиатрии огромен. Несмотря на критическое отношение К. Ясперса к фундаментальной онтологии, которая, по его мнению, предлагает догматичную структуру «человеческого», он признает терминологический и теоретический вклад М. Хайдеггера в философские основания психопатологии. Он указывает, что М. Хайдеггер «ввел понятие «экзистенциала», аналогичное «категориям» наличной предметности. Хайдеггеровские «экзистенциалы» - «бытие в мире», «настроение», «страх», «забота» - указывают на онтическое, которое служит предпосылкой нашего существования, наших переживаний и нашего поведения независимо от того, в какой мере мы отделились от наших экзистенциальных истоков и усвоили опосредованные, «разбавленные» формы переживаний и поведения, усредненного, неподлинного существования - «*Man*»» [19, с. 736]. Помимо этого, феноменология К. Ясперса опирается и на категории пространственной темпоральности, его воззрения на целостность развивают хайдеггеровские категории бытия-в-мире и *Dasien*. Идеи понимающей психологии, изложенные в «Общей психопатологии», могут расцениваться и как предтеча, и как развитие идей экзистенциальной философии. И, конечно же, неопределимым вкладом в психиатрию К. Ясперса можно считать стратегию понимания субъективного патологического опыта как перехода от пси-

хического содержания к форме опыта. В качестве этого перехода выступает клинический случай, который понимается не как проявление симптомов и синдромов, а как единство содержания и формы опыта. Поскольку К. Ясперс заложил основы методологии постижения опыта психически больного в единстве содержания и формы, именно он считается основоположником феноменологической

психиатрии, который в своей теории психиатрии сохранил и развил положения и экзистенциализма, и антропологии, и онтологии, а также предложил практической психиатрии не только методы понимающей психологии, но и непревзойденную по полноте описания с опорой на конкретные клинические случаи, использующуюся десятилетиями классификацию психопатологических феноменов.

Ряполова Т.Л.¹, Абрамов А.В.¹, Гостюк И.М.², Ткаченко Е.Р.²

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПСИХИАТРИИ В РАБОТАХ М. ХАЙДЕГГЕРА И К. ЯСПЕРСА

¹Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького

²Республиканская клиническая психоневрологическая больница – медико-психологический центр, г. Донецк

Ключевые слова: экзистенция, онтология, Хайдеггер, Ясперс.

Обзор литературы посвящен исследованию вклада М. Хайдеггера и К. Ясперса в разработку экзистенциально-онтологических основ психиатрии. Несмотря на критическое отношение К. Ясперса к фундаментальной онтологии, которая, по его мнению, предлагает догматичную структуру «человеческого», он признает терминологический и теоретический вклад М. Хайдеггера в философские основания психопатологии. М. Хайдеггеру принадлежит новый взгляд на проблему бытия-в-мире и вот-бытия (Dasein), соотношения онтического и онтологического, на роль пространственно-временных отношений в бытии. Феноменология К. Ясперса опирается на категории пространственной темпоральности, его воззрения на целостность развивают хайдеггеровские категории бытия-в-мире и Dasein. Идеи понимающей психологии, изложенные в «Общей психопатологии», могут расцениваться и как предтеча, и как развитие идей экзистенциальной философии. Неоценимым вкладом в психиатрию К. Ясперса можно считать стратегию понимания субъективного патологического опыта как своеобразного перехода от психического содержания к форме опыта. В качестве этого перехода выступает конкретная актуализация данных опыта, то есть клинический случай, который воспринимается не как воплощение симптомов и синдромов, а как единство содержания и формы опыта. Поскольку К. Ясперс заложил основы методологии постижения опыта психически больного человека в единстве содержания и формы, именно он по праву считается родоначальником феноменологической психиатрии. К. Ясперс в своей теории психиатрии сохранил и развил положения и экзистенциализма, и антропологии, и онтологии, а также предложил практической психиатрии не только методы понимающей психологии, но и непревзойденную по полноте описания, использующуюся десятилетиями классификацию психопатологических феноменов.

Ryapolova T.L.¹, Abramov A.V.¹, Gostyuk I.M.², Tkachenko E.R.²

EXISTENTIAL-ONTOLOGICAL BASIS OF PSYCHIATRY IN THE WORKS OF M. HEIDEGGER AND K. JASPERS

¹Donetsk National Medical University named after M.Gorky

²Republican Clinical Psychoneurological Hospital – Medical-Psychological Center, Donetsk

Keywords: existence, ontology, Heidegger, Jaspers.

A review of the literature is devoted to the study of the contribution of M. Heidegger and K. Jaspers to the development of the existential-ontological foundations of psychiatry. Despite the critical attitude of K. Jaspers to the fundamental ontology, which, in his opinion, offers the dogmatic structure of the "human", he recognizes the terminological and theoretical contribution of M. Heidegger to the philosophical foundations of psychopathology. M. Heidegger has a new view of the problem of being-in-the-world and here-being (Dasein), the relation of ontic and ontological, to the role of space-time relations in being. The phenomenology of K. Jaspers relies on the categories of spatial temporality, his views on wholeness are developed by Heidegger categories of being-in-the-world and Dasein. The ideas of the «understanding» psychology, outlined in «General Psychopathology», can be regarded both as a forerunner and as a development of the ideas of existential philosophy. An invaluable contribution to the psychiatry of K. Jaspers can be considered a strategy of understanding the subjective pathological experience as a unique transition from the psychic content to the form of experience. As this transition is a concrete actualization of the data of experience, that is, a clinical case that is perceived not as an embodiment of symptoms and syndromes but as a unity of content and form of experience. Since K. Jaspers laid the foundation for the methodology of comprehending the experience of a mentally ill person in the unity of content and form, it is he who rightfully is considered the ancestor of phenomenological psychiatry. K. Jaspers in his theory of psychiatry preserved and developed the positions of existentialism, anthropology, ontology, and also offered practical psychiatry not only methods of understanding psychology, but also unsurpassed in its completeness of description classification of psychopathological phenomena used for decades.

Литература

1. Власова О.А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 640 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. - 503 с.
3. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Пер. с нем. И. Глуховой. Вильнюс: ЕГУ, 2012. - 406 с.
4. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: «Водолей», 1998. - 384 с.
5. Водолагин А. Экзистенциально-онтологическая схема истолкования психических расстройств // Развитие личности. 2008. С.1. [Электронный ресурс]. - <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialno-ontologicheskaya-shema-istolkovaniya-psihicheskikh-rasstroystv> (дата обращения - 22.01.2017)
6. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От Античности до Нового времени. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 372 с.
7. Гагарин А.С. Экзистенция и экзистенциалы человеческого бытия в современной философской антропологии // Грамота, 2015. № 12 (62): Ч. II. С. 70-73.
8. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. — 300 с.
9. Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / Пер. с англ. Е. Сурпиной. М.; СПб: КСП+, Ювента, 1999. С. 17 – 132.
10. Cohn H. W. Existential Thought and Therapeutic Practice: Introduction to Existential Psychotherapy. London: Sage, 1997. 132 p.
11. Никифоров О. В. Философский и психотерапевтический Dasein-анализ // Логос. 1998. № 1. С. 230.
12. Хайдеггер М., Ясперс К.Т. «Мартин Хайдеггер - Карл Ясперс. Переписка, 1920-1963». Москва, 2001. 99 с.
13. Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. Пер. Т.А. Баскаковой. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с.
14. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. М.: Прогресс-Традиция: Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.
15. Бибихин В.В. История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
16. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin; Güttingen; Heidelberg: Springer, 1960. 485 p.
17. Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: материалы к семинару. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 536 с.
18. Власова О.А. Ясперс и Хайдеггер: по следам утраченных разговоров // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 164-174.
19. Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. О. Аюпяна. М.: Практика, 1997. 1053 с.
20. Walker K. Karl Jaspers as a Kantian Psychopathologist. I. The Philosophical Origins of the Concept of Form and Content // History of Psychiatry. 1993. Vol. 4. № 14. P. 209-238.
21. Spiegelberg H. Karl Jaspers (1883 – 1969): Introducing Phenomenology into Psychiatry // Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction. Evanston Ill.: Northwestern University Press, 1972. P. 171 – 191.
22. Виггинс О., Шварц М. Влияние Эдмунда Гуссерля на феноменологию Карла Ясперса // Независимый психиатрический журнал. 1997. № 4. С. 4 – 12; 1998. № 1. С. 5 – 12.
23. Ясперс К. Философская вера. М.: ИНИОН, 1992. 150 с.

Поступила в редакцию 24.04.2017